

ПОЛИТИКА

Ю.В.Карпич

ПРАВОСЛАВИЕ И КОНСЕРВАТИЗМ: ПОЛИТИЧЕСКИЕ УСТАНОВКИ РЕЛИГИОЗНЫХ РОССИЯН¹

¹ Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

Юлия Владимировна Карпич — стажер-исследователь Лаборатории региональной истории России Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». Для связи с автором: ykarpich@hse.ru.

Аннотация. Статья посвящена исследованию влияния религиозности на индивидуальный политический выбор православных россиян. На материале глубинных интервью с верующими, активно посещающими церковные службы, выявляется связь между отдельными аспектами религиозности (убеждениями, религиозными практиками) и консервативными установками прихожан. Раскрывается логика консервативного выбора. Показывается, как консервативные установки, связанные с ценностными сдвигами, сочетаются с консервативными установками, основанными на религии.

Результаты исследования позволяют зафиксировать три типа политического позиционирования, вытекающие из консервативного мировоззрения. В случае лояльности действующей власти консервативная логика проявляется в желании сохранить стабильность и избежать политических потрясений. Оппозиционное голосование принимает форму морального протеста, когда избиратели хотят наказать власть за действия, несоответствующие их нравственным идеалам. Неучастие в выборах консервативно в том смысле, что верующие отстраняются от политики, которая кажется им безнравственной и коррумпированной.

Использование методологии качественного анализа и данных индивидуального уровня приводят автора к заключению, что принимаемое верующими решение о голосовании определяется в первую очередь их политическими убеждениями. Верующие избиратели оценивают действия политиков и взвешивают потенциальную возможность повлиять на политическую ситуацию. Влияние практик ограничивается политическим участием. Консервативная логика голосования тесно связана со светскими убеждениями; религиозные верования и практики церковного взаимодействия способны лишь скорректировать сделанный выбор.

Ключевые слова: религиозность, консерватизм, православие, политические установки, традиционные ценности

² Мельвил 2017; *Остбо* 2017; *Вузов* 2018.

³ Богачев и Сорвин 2020.

⁴ Ухватова 2018.

⁵ *Общественное мнение* 2019: 110.

⁶ Там же: 63.

⁷ *Общественное мнение* 2022: 121.

⁸ Там же: 32.

⁹ Кулькова 2015; Мчедлова, Кофанова и Шевченко 2020.

¹⁰ Чеснокова 2005; Ситников 2011; Шербак и Ухватова 2018.

¹¹ Marsh 2005; Локосов и Синелина 2008; Мчедлова и Кофанова 2020.

¹² Локосов и Синелина 2008.

¹³ Богачев 2016.

¹⁴ Кулькова 2015; Мчедлова, Кофанова и Шевченко 2020.

¹⁵ Богачев 2016.

¹⁶ Макаренко (ред.) 2017.

¹⁷ Богачев 2016; *Вузов* 2018.

¹⁸ Чеснокова 2005; Ситников 2011; Богачев 2016.

¹⁹ Богачев 2016.

²⁰ Hirschman 1970.

Идеи, ставшие популярными во время консервативного поворота, ознаменовавшего третий срок президентства Владимира Путина², определили важнейшие направления политического курса современной России. Российские правящие круги делают ставку на традиционные ценности, «духовные скрепы» и сильную власть. Опора на православие — ключевая составляющая этой стратегии. Партии и кандидаты стремятся заручиться поддержкой религиозного электората, публично поддерживают РПЦ и заявляют о приверженности ее постулатам³. Процесс сближения Церкви и государства отражается и в дискурсе РПЦ, которая подчеркивает свою особую роль в истории и культуре России, выступает с критикой либеральных установок⁴. Согласно социологическим опросам, эти изменения полностью соотносятся с растущей популярностью консервативных ценностей в российском обществе. Так, 56% россиян негативно относятся к сексуальным меньшинствам⁵, 41% считает аборт неприемлемым⁶, 47% симпатизирует идее «Россия для русских»⁷ и 75% согласны с тем, что власть должна быть сосредоточена в руках сильного лидера⁸.

Но действительно ли религиозность — основа консервативных установок православных верующих? Исследователи, занимающиеся этой проблемой, приходят к противоречивым выводам. Одни обнаруживают влияние православия на политические взгляды россиян⁹, интерпретируя его в терминах консерватизма и либерализма¹⁰. Другие указывают на отсутствие значимых различий в политических воззрениях православных христиан, адептов других конфессий и атеистов¹¹. Уровень религиозности, с одной стороны, коррелирует с растущей лояльностью власти¹², с другой — связан с поддержкой оппозиционных партий¹³. Участие в жизни религиозной общины способствует политическому участию¹⁴, при этом среди наиболее религиозных членов таких общин широко распространен абсентеизм¹⁵.

Сложности с поиском убедительного ответа на поставленный выше вопрос во многом обусловлены тем, что консервативные установки не означают симпатии к определенной политической партии¹⁶. Избиратель, поддерживающий действующую власть, может быть консерватором в том смысле, что мечтает сохранить стабильность, избежать политических потрясений и защитить себя¹⁷. Точно так же консерватизм избирателя может подтолкнуть его к выбору в пользу собственно консервативной или националистической оппозиции (например, ЛДПР или «Родины»). Такие избиратели хотят наказать власть за чрезмерно либеральную, недостаточно сильную политику¹⁸. Консервативным может быть и неучастие в выборах, когда избиратель отстраняется от политики, считая ее безнравственной и коррумпированной¹⁹.

С тех пор как «Единая Россия» утвердилась в статусе доминирующей партии, политический выбор россиян, по сути, предполагает лишь две развилки: (1) поддержать действующую власть или выказать недовольство ею; (2) выразить недовольство посредством протестного голосования или абсентеизма²⁰. Но четкое представление о том, что опреде-

²¹ Frye and Yakovlev 2016; Hale and Colton 2017.

²² Туровский и Гайворонский 2017; Туровский 2018.

²³ Barker, Hurwitz, and Nelson 2008; Пруцкова и Маркин 2017.

²⁴ Driskell, Embry, and Lyon 2008.

²⁵ Stark 2001; Driskell, Embry, and Lyon 2008.

²⁶ Религия 2017; Вера 2020.

²⁷ Guth et al. 1988; Leege and Kellstedt 2016.

Влияние религиозности на политический выбор

ляет их поведение в рамках этих развилки, отсутствует. Хотя значимыми для голосования считаются многие факторы²¹, выбор избирателя чаще всего рассматривается как следствие рационального экономического решения²², что оставляет за скобками роль установок и убеждений.

Еще одна трудность в изучении взаимодействия религии и политики заключается в поиске способа измерения религиозности. Ориентация большинства исследователей на выявление связи между религиозностью и политическим выбором влечет за собой акцент на поддающихся фиксации количественных показателях²³. Как правило, предпочтение отдается поведенческим факторам, и прежде всего религиозному участию. Однако подобный исследовательский дизайн хотя и обеспечивает достижение повторяющихся результатов, не позволяет их объяснить²⁴. Более того, работая с показателями религиозного поведения, исследователи склонны упускать из вида значимость убеждений, лежащих в их основе²⁵. В случае православных россиян ситуация осложняется оторванностью верующих от религиозного сообщества. По различным подсчетам, число православных в стране достигает 63—71%, и только 6—14% из них регулярно практикуют свою веру²⁶.

Один из возможных шагов к решению этих проблем — проведение качественных исследований. Такая стратегия позволяет установить, является ли политический выбор действительно идеологическим (то есть заданным консервативными установками) и какую роль в наборе его мотивов играет религиозность.

В настоящей статье представлены результаты качественного исследования, нацеленного на выявление логических взаимосвязей между определенными аспектами индивидуальной религиозности и конкретными политическими предпочтениями верующих. Объектом анализа в нем выступают верующие, постоянно участвующие в религиозных службах; именно от них ожидается и большая консервативность, и более глубокое погружение в веру. Объяснительная модель опирается на предположение о том, что политический выбор — результат осознанного решения, сделанного с опорой на некие убеждения и практики, которые могут быть как религиозными, так и светскими (гражданскими). Например, ключевым компонентом выбора может стать обсуждение политики и с членами религиозной общины, и с коллегами по работе. В то же время выбор может быть продиктован представлениями о справедливости, нравственности и т.п., которые могут вытекать не только из религиозных норм, но и из светской морали.

В литературе, анализирующей влияние религиозности на политический выбор, сложились две исследовательские традиции. Первая концептуализирует религию как социальный феномен, вторая — как феномен сознания²⁷.

Сторонники первой традиции опираются на два основных допущения: (1) политические установки и модели политического участия

формируются под влиянием процессов, происходящих в обществе; (2) индивидуальный выбор опосредуется принадлежностью к социальной группе и практикой коллективного взаимодействия. Так, по заключению Стивена Петерсона, принадлежность к общине и вовлеченность в ее дела формируют у верующих навыки участия, которые затем переносятся и на сферу политики²⁸. Существуют исследования, демонстрирующие, что при регулярном посещении церковных мероприятий растет вероятность стать объектом мобилизации со стороны священнослужителей²⁹.

²⁸ Peterson 1992.

²⁹ Holman and Shockley 2017; Smith 2017.

Приверженцы второй традиции подчеркивают роль индивидуальных убеждений — принятия конкретных религиозных догм и связанных с ними норм и ценностей. Здесь важно следующее допущение: решения людей определяются когнитивными факторами и не зависят от окружения. Именно убеждения лежат в основе религиозного поведения³⁰, и они же мотивируют верующих к участию в политике, помогают им интерпретировать политические события и действия политиков³¹. Не случайно традиционалистские религиозные установки часто соотносятся с поддержкой консервативных политических партий и движений, а также с полным отсутствием интереса к политике³².

³⁰ Stark 2001.

³¹ Wielhouwer 2009.

³² Glock and Stark 1966.

³³ Leege and Kellstedt 2016.

Простое противопоставление этих подходов, однако, сужает возможности анализа³³. Очевидно, что два проявления религиозности могут действовать одновременно и независимо друг от друга. Скажем, некоторые члены религиозной общины могут не разделять убеждения, свойственные другим ее представителям. И наоборот, эти убеждения могут быть значимы для человека, который не связывает себя с общиной и не участвует ни в каких общих ритуалах. Как я постараюсь показать далее, именно комбинация убеждений и практик определяет выбор верующих.

Дискуссии о влиянии религиозности на политический выбор россиян строятся вокруг необходимости объяснить разрыв между числом людей, идентифицирующих себя с православием, и долей практикующих верующих. Современные исследователи обычно делят православных на подгруппы в зависимости от уровня религиозности³⁴. В качестве критерия дифференциации чаще всего используются поведенческие показатели, прежде всего частота посещения религиозных служб³⁵. Проведенное Валентиной Чесноковой эмпирическое исследование указывает на то, что с повышением уровня религиозности происходит изменение ценностных установок верующих: усиливаются националистические и традиционалистские взгляды при снижении интереса к мирской жизни³⁶. В свою очередь Алексей Ситников прослеживает положительную связь уровня религиозности лишь с культурным консерватизмом (отношением к цензуре в СМИ, религиозной нетерпимости и т.д.), но не с политическим (в смысле отказа от демократических ценностей и неприятия таких демократических институтов, как свободные выборы, разделение властей и т.д.)³⁷. Более того, согласно его заключению, консерватизм верующих связан не с уровнем религиозности

³⁴ Кулькова 2015; Богачев 2016; Ухватова 2017; Мчедлова и Кофанова 2020.

³⁵ Маркин 2018.

³⁶ Чеснокова 2005.

³⁷ Ситников 2011.

(включенностью в религиозные практики), а с определенной субкультурой, которая сложилась в кругу людей, погруженных в церковные традиции³⁸. Киммо Каарияйнен и Дмитрий Фурман между тем утверждают, что консервативные установки верующих менялись со временем. Если в начале 1990-х годов наиболее религиозные среди православных тяготели к коммунистической риторике, то после построения и укрепления «вертикали власти» в 2000—2010-х годах они стали опорой действующего режима. Как и Ситников, Фурман и Каарияйнен оспаривают роль религиозности в формировании политических взглядов. По их оценке, на эти взгляды, как и на моральные установки, больше влияет возраст людей³⁹.

³⁸ Ситников 2007.

³⁹ Каарияйнен и Фурман 2007.

⁴⁰ Мчедлова, Кофанова и Шевченко 2020.

⁴¹ Кулькова 2015.

Глубоко вовлеченные в церковную жизнь православные политически более активны⁴⁰. Однако регулярное участие в богослужебных ритуалах положительно влияет на участие в политической жизни вне зависимости от конфессии. Кроме того, как показывает электоральная статистика, уровень религиозности (в поведенческом смысле) не является значимым фактором явки. Исходя из этого, Анна Кулькова высказывает предположение, что голосование зависит скорее от того, во что верит человек, чем от частоты практик⁴¹.

⁴² Богачев 2016.

Исследуя электоральные предпочтения, Максим Богачев фиксирует снижение популярности «Единой России» среди практикующих православных. Одно из возможных объяснений этой тенденции он видит в радикализации установок наиболее религиозной части православного электората, для которой умеренно консервативная позиция властей оказывается недостаточно консервативной. В свою очередь растущий в этой среде абсентеизм он связывает со снижением интереса к мирским делам (в том числе к политике)⁴².

Суммируя, можно констатировать: хотя большинство исследователей сходятся во мнении, что политические установки православных верующих меняются в зависимости от уровня религиозности, природа этой связи вызывает разногласия. Консерватизм наиболее религиозных из них может быть обусловлен не религиозностью как таковой, а сопутствующими факторами (пол, возраст, место жительства, профессия). И даже если интенсивность религиозных практик действительно влияет на политическое участие и электоральные предпочтения, вопрос о влиянии именно православной традиции остается открытым.

Методология и данные

В основе настоящего исследование лежит предположение о том, что политический выбор верующего определяется сочетанием религиозных и нерелигиозных убеждений и практик: убеждения придают смысл индивидуальному восприятию реальности и помогают оценить политическую ситуацию; практики и нормы поведения предлагают способ справиться с проблемой, которую избиратель видит, оценивая эту ситуацию. Любые утверждения, раскрывающие мировоззрение или отношение к политической ситуации, трактуются как политические убеж-

дения. В качестве практик квалифицируются действия, связанные либо с церковной коммуникацией, либо с политической активностью.

⁴³ Fiorina 1978.

⁴⁴ Niemi, Craig, and Mattei 1991.

Потенциальное значение для политического выбора имеют два типа убеждений: оценка действий политиков и представления о собственной роли в политическом процессе. Положительная оценка действий политиков стимулирует голосование за инкубентов, отрицательная — голосование против или абсентеизм⁴³. Участие в электоральной процедуре зависит от восприятия человеком своей способности влиять на политику⁴⁴. Политический выбор консервативного толка может быть мотивирован, во-первых, стремлением сохранить стабильность и избежать политических изменений; во-вторых, скептицизмом по отношению к либеральным ценностям и политическим инициативам; в-третьих, желанием абстрагироваться от политики как коррумпированной и нечестной. В свою очередь консервативные убеждения могут быть связаны как со светскими установками, так и с религиозностью.

Эмпирическим материалом для анализа послужила серия глубинных полуструктурированных интервью, собранных в Липецкой области в 2019—2021 гг. Выбор региона обуславливался, с одной стороны, высокой долей православных среди его населения (71%), с другой стороны, стабильной популярностью там двух политических сил — «Единой России» и КПРФ — и, соответственно, альтернативностью голосования. Поскольку выраженная религиозность не приводит к одной стратегии политического выбора, можно предположить, что на решение верующих влияют дополнительные мотивы.

Всего было собрано 38 интервью. Интервьюирование проводилось среди верующих, активно посещающих церковные службы (чаще чем раз в месяц). В числе респондентов были люди в возрасте от 19 до 80 лет (представителей старшего поколения — после 45 лет — оказалось чуть больше, чем молодых), мужчины и женщины, занимающие разное социальное положение и проживающие в восьми населенных пунктах (областной центр, региональные центры, сельские поселения).

⁴⁵ Hirschman 1970.

Поскольку цель интервьюирования заключалась в выявлении логики политического выбора и влияния на нее религиозности, вопросы гайда касались политических предпочтений респондентов, их участия в политике, отношения к политической системе и ключевым политическим акторам, обращения в православие, церковной активности, взаимодействия с религиозной общиной и т.д. Материалы интервью были проанализированы с использованием метода тематического кодирования. Для обозначения отдельных убеждений и практик применялись отдельные коды. Отталкиваясь от теории Альберта Отто Хиршмана⁴⁵, я подразделила варианты политического выбора на три группы: верность (голосование за «Единую Россию» и Владимира Путина), голос (поддержка любого другого кандидата и партии) и выход (неучастие в выборах или порча бюллетеня).

При интерпретации результатов я исходила из того, что если политический выбор верующих в самом деле мотивирован консерва-

тивными установкам, то комбинации убеждений и практик образуют три логические связки. Стратегия голоса, по сути, представляет собой форму морального протеста: верующие, негативно оценивающие политическую ситуацию, хотя и наказывать находящихся у власти политиков за их несправедливые, несправедные решения. Стратегия верности есть следствие «лояльного консерватизма», построенного на восприятии действующей власти как гаранта стабильности. В случае выхода консервативная логика проявляется в отстранении от политики, в стремлении верующих отгородить себя от мирских (секулярных) проблем.

Убеждения и политический выбор

Моральный протест. Материалы интервью свидетельствуют о том, что логика морального протеста действительно приводит к выбору стратегии голоса. Ключевое значение здесь имеет сочетание убеждения в безнравственности политиков (и, соответственно, негативной оценки их действий) и желания выразить свой протест (даже при сомнении в возможности реально повлиять на ситуацию).

Так, одна из липецких респонденток видит в действиях людей, попавших во власть, преимущественно корысть. Полностью отдавая себе отчет в сфальсифицированности выборов, она тем не менее голосует, надеясь тем самым хотя бы сохранить свой голос.

«Власть сейчас везде ругают. Кто власть не ругает? Тот, кто находится у власти. Если бы мой муж был мэром города, неужели бы власть ругала? <...> От нас еще ничего не зависит в том смысле, что поговорка „У генерала есть свой сын“... все-таки работает. Я не знаю, как из низин добиться [чего-то в политике], только если по головам пойти. <...>

Все эти выборы... Я сама была участницей таких выборов, когда пачку прямо туда кидали. <...> Я на выборы хожу и голосую... за человека, которого не знаю. Когда в ряд стоят — Путин, Иванов, Смирнов и Насырбаев какой-нибудь, за Насырбаева я проголосую. Потому что других я знаю, они там мелькают по телевизору... а тут я знаю, что этот человек никогда не победит. А как по-другому? Ну скажу я: „Я против всех, я не пойду на выборы“. Нет, я должна сходить замарать мой листочек. <...> Я понимаю, что ничего не сделаю с результатами, но по крайней мере, если что-нибудь президент сделает не так, я не буду кричать: „Ааа, власть! Все не так“. Я не ставила его президентом. Вот как-то так себя оправдываю» (женщина, 39 лет, Липецк).

Высокая религиозность может усилить склонность верующего к протестному выбору, подключив к факторам недовольства политиками несоответствие тех христианским идеалам. Довольно показательна в этом плане позиция другого липецкого респондента, который обвиняет власть в действиях, противоречащих не только его гражданским уста-

новкам, но и нормам христианства. При этом для него важнее ассоциировать себя не с лоялистами или оппозиционерами, а с христианами в целом. С его точки зрения, высказывать свое недовольство посредством механизма выборов нормально, прямые же протесты лишь провоцируют насилие и не приводят к каким-либо изменениям. В этом смысле они столь же неприемлемы, как и безнравственные действия политиков.

⁴⁶ Респондент ссылается на известную конспирологическую теорию, согласно которой взрывы жилых домов в России осенью 1999 г. были организованы самой российской властью.

«[Президент] — человек, который начал свою политическую деятельность с рязанского сахара⁴⁶. Просто как для гражданина и человека верующего это неприемлемо. Да и сегодня Владимир Владимирович [поссорил] нашу страну со всем остальным миром. <...>

Если меня спросят: „Революция или нет?“ — нет. Вообще, категорически нет! Никакие изменения политические не стоят ни одной пролитой капли крови, ничего здоровья. И я не верю в то, что цель оправдывает средства. Потому что у нас был опыт большевиков, которые сказали: „Цель оправдывает средства“. <...> У нас Союз любят хвалить за то, что они там сделали образование, заводы построили. Я даже не считаю, что это того стоит. Мне [все равно], что мы первые полетели в космос, мне жалко тех людей, которых убили. Я староста храма. Я вообще в списке тех людей, которых убивали, вот когда закрывали храмы» (мужчина, 24 года, Липецк).

Религиозные и политические убеждений потенциально могут вступать в конфликт. Церковь учит смирению и подчинению Божьей воле. Однако соображения, применяемые к себе, не используются для оправдания действий политиков. Респонденты четко разграничивают политические и религиозные установки. Склонность к протесту зачастую оказывается сильнее смирения, веры в то, что «нет власти не от Бога», которые, казалось бы, должны влиять на политические воззрения глубоко религиозных людей.

«И: Вы считаете, что ваши религиозные взгляды связаны с вашими политическими и/или социальными действиями?

Р: С политическими — нет, я это не соотношу. Я считаю, что Церковь и власть должны держать дистанцию. Плохо, когда она не соблюдается. Мы светская страна, я не хочу навязывать свои ценности всем, кто в России живет. Другое дело, что некоторые христианские ценности близки и атеистам, и людям других религий. [Пример: семья — союз мужчины и женщины]. Меня не устраивает другое. Например, храм Вооруженных сил, это у меня не вызывает никакого воодушевления» (мужчина, 36 лет, Липецк).

Отстранение от политики. Выбирающие стратегию выхода верующие проводят связь между разложением моральных ориентиров

общества и наблюдаемыми ими политическими проблемами. Их решение — закрыться от мира и сосредоточиться на духовной жизни.

«Я даже сейчас стараюсь меньше с ним [внуком] общаться, потому что он начинает и орать, и визжать, и все на свете. Я и молилась. Все действует, конечно. Раньше ТВ не было, ничего не знали. <...> Сейчас, казалось бы, не бедные. Но жизнь тяжелая. Душа болит, скорбит. Раньше картошки наелись и все, сытые были. А сейчас...» (женщина, 65 лет, Грязи).

Ни осознание политических проблем, ни обращение политиков к православию не могут повернуть их к политике. В то же время надежда на то, что все в руках Бога, облегчает решение. Верующие этого типа допускают, что кто-то из их единомышленников может интересоваться политикой, но сами не готовы ни поощрять, ни наказывать политиков.

«Р.: Естественно, такое [политические события] обсуждается [на кухне]. А в храме... У нас ведь приход еще всего лишь [несколько] лет, не так много прихожан. Обсуждали эти темы? Нет. Потом, заметьте, какой у нас приход: у нас учителя, медики, бабулек у нас вообще мало, такого, как я, возраста мало женщин. Они может где-то как-то и обсуждают. Но все терпимо, нормально относятся ко всему к этому. Ну, конституция и конституция. Значит, Господь дает это, не просто так вот это вот, понимаете. Все от Бога. <...>

И: А новости смотрите?

Р: Нет, новостями я не интересуюсь. Меня иногда сын посвящает. Он говорит: „Мам, не смотри. Тебе это не надо“. <...> Да пусть они делают, что хотят, политики эти.

И: Не думаете, что это [принадлежность к православию] помогает популярности?

Р: Пришел он [Путин в храм], и слава Богу. Значит, у него что-то же есть. Не на публику же он играет. Играл бы, не простоял бы столько часов на службе. Все нормально. Все приходят к вере как приходят» (женщина, 63 года, Лебедянь).

Лояльный консерватизм. Логика выбора стратегии верности должна компенсировать две тенденции — склонность верующих к абсентеизму и их ориентацию на высокие нравственные стандарты, которым политики обычно не соответствуют. Частично проблема решается через противопоставление политиков и президента. На фоне коррумпированных политиков и чиновников деятельность президента оценивается позитивно: респонденты убеждены, что страной управляет сильный лидер, связывают его курс со стабильностью и сохранением духовных ценностей. При этом президент выглядит в их глазах не только эффективным руководителем, но и нравственным с христианской точки зрения человеком.

«По моим наблюдениям, все поколение, которое бабульки, которые не хотят войны, которые получают хорошую пенсию, льготы имеют, все бабульки (средний возраст и старше) проголосуют в поддержку партии власти. <...> Потому что наш возраст и среднее поколение уже за какую-то стабильность, мы уже не хотим перемен. Да, у нас что-то сложилось, что-то мы имеем, а молодежь, я думаю, не очень довольна, потому что проблемы с работой, например» (женщина, 40 лет, Елец).

«И: Почему на выборы — да [ходите], а на митинги — нет?»

Р: Огромная разница. Нет другой власти, кроме как от Бога. Это догмат.

И: То есть нужно принимать [власть] априори? А на выборах, когда выбираете, за кого галочку поставите, пользуетесь этой же логикой?»

Р: Надо бы априори, но я против слепой веры. Но выборах голосую разумом. Или душой, если разум молчит. <...>

И: За Путина — это разумом или душой?»

Р: Человек сделал смыслом своей жизни Служение — это прям как Чацкий. И я ему верю» (мужчина, 46 лет, Липецк).

Даже отмечая наличие проблем в стране, лояльные верующие склонны связывать их с неудачными решениями в прошлом. Дополнительное влияние на их позицию оказывает и надежда на изменения.

«Р: ...Мы не обсуждаем партии с родственниками и друзьями, но абсолютно положительно относимся к деятельности нашего президента.

И: А что вам нравится в политике, которую он провел?»

Р: То, что, присутствуя за границей, ты можешь с совершенно поднятой головой говорить, что ты русская, не стесняться. То есть внешняя политика в первую очередь. Внутренняя политика слабовата, да, но я думаю, что это связано не с тем, что он и правительство не хочет этим заниматься, а все-таки невозможно все сразу поднять. Да, конечно, внешняя политика — это лидер, несомненно, а внутренняя — пока еще низкий уровень жизни, но не все, наверное, сразу, надо терпеливее относиться» (женщина, 53 года, Липецк).

Важно, однако, отметить, что хотя отношение к президенту и объясняет выбор между верностью и голосом, оно не раскрывает мотива к политическому участию, то есть причин предпочтения верности, а не выхода. Участие требует ощущения личной ответственности и/или веры в возможность повлиять на политику. У лояльных верующих ни того, ни другого нет.

**Практики
и политический
выбор**

Если отношение к действиям политиков определяется убеждениями, то готовность к политическому участию — практиками. Опыт голосования, общественной деятельности и/или включенности в дела общины создают привычку участия и приводят верующего на избирательный участок. Человеку, обладающему подобным опытом, гораздо проще прийти на выборы. В случае положительной оценки действий политиков этот опыт подталкивает к стратегии верности, в случае отрицательной — к стратегии голоса. В свою очередь человек, не имеющий навыков участия, с большей вероятностью предпочтет выход.

Вместе с тем активная включенность в жизнь прихода может оказаться фактором, способствующим отстранению от политики: у человека, проводящего все свое свободное время в храме, может просто не остаться сил для иного рода активности. Так что наличие опыта сугубо церковного участия может стимулировать человека к выбору стратегии выхода, особенно если оно (что бывает достаточно часто) накладывает на представление о незначимости мирских проблем.

«У нас своего хватает [дел в храме]. Вот сейчас лето начнется. У нас сколько цветников, полить их надо, надо убрать. Я-то, конечно, в возрасте теперь. Говорю: „Батюшка, пора мне, наверно, бросать“, [он отвечает:] „Да нет, еще побудь“» (женщина, 65 лет, Грязи).

В других ситуациях религиозные практики могут способствовать участию. В сочетании с недовольством происходящим в стране и убеждением в возможности влиять на политику они повышают вероятность протестного голосования; в сочетании с верой в сильного лидера — укрепляют лояльность. Стимулом к голосованию может быть и позиция близких.

«Выбирать-то не из кого. Смысл-то какой... но да, я хожу. Я так думаю, что и без меня бюллетень бы использовали. Просто как-то муж говорит: „Нет, все идем“. Ну и детям надо пример подавать» (женщина, 38 лет, Лев Толстой).

К религиозным практикам, влияющим на политический выбор, относятся также отношения со священнослужителями. Поскольку священник обычно является авторитетом для верующих, они прислушиваются к его призыву пойти проголосовать.

«У нас священник всегда говорит в день выборов: „Вы должны пойти и отдать свой гражданский долг“» (женщина, 38 лет, Лев Толстой).

В свою очередь общение с членами религиозной общины на выборе респондентов не сказывается. В одних случаях при храме вооб-

ще не складывается общины или прихожане не включаются в ее дела. В других — в общине не обсуждаются политические сюжеты или их обсуждение не связывается с индивидуальным выбором. Но даже если в общине принято устраивать собрания и обсуждать интересующие прихожан вопросы, в том числе касающиеся политики, респонденты четко разграничивают собственную религиозность и политические взгляды.

«Иногда приурочиваем собрания четверговые к каким-то датам/событиям, когда не можем тему придумать: „Ну вот, что-то произошло. Навального посадили. Давайте обсудим“. Но, как правило, мы приходим к тому, что Церковь аполитична, она вне политики. Если ты имеешь какие-то политические взгляды, они дальше твоей личной жизни, как правило, не выходят» (мужчина, 24 года, Липецк).

Заключение

Итак, проведенный мною анализ говорит о том, что принимаемое верующими решение о голосовании определяется в первую очередь их политическими убеждениями. Верующие избиратели оценивают действия политиков и взвешивают потенциальную возможность повлиять на политическую ситуацию. Влияние практик ограничивается политическим участием. Данные индивидуального уровня показывают, как общие консервативные установки сочетаются с консервативными установками, основанными на религии. Консервативная логика голосования тесно связана со светскими убеждениями; религиозные верования и практики взаимодействия в церкви могут лишь скорректировать сложившейся выбор. Эти выводы углубляют наше понимание взаимосвязи между консерватизмом и православием, разрешая спор между исследователями, придерживающимися идеи прямого переноса религиозных ценностей в политическую жизнь, и теми, кто рассматривает религиозный консерватизм как обособленный феномен.

Разумеется, использованного мной эмпирического материала заведомо недостаточно для построения широких обобщений. Более того, выявленные комбинации убеждений и практик отнюдь не подразумевают, что базирующиеся на них объяснения электорального поведения верующих являются единственно возможными или исчерпывающими. Мое исследование не отрицает важности альтернативных объяснений, в том числе логики экономического голосования и рационального выбора. Однако оно подтверждает значимость индивидуальных мотивов, влияние которых на электоральный выбор зачастую игнорируется или отодвигается на задний план, и высвечивает некоторые связи между религией и политикой, которые в дальнейшем следовало бы проверить на более крупных и репрезентативных выборках.

Библиография

Богачев М.И. (2016) «Воцерковленность и политические предпочтения православных верующих: количественный анализ» // *Религиоведческие исследования*, № 13: 8—76.

Богачев М.И. и К.В.Сорвин. (2020) «Политика в Церкви: за кого агитируют православные священники?» // *Государство, религия, церковь в России и за рубежом*, т. 38, № 3: 331—361.

«Вера в сверхъестественное». (2020) // *Левада-Центр**, 28.10. URL: <https://www.levada.ru/2020/10/28/vera-v-sverhestestvennoe/> (проверено 22.10.2022).

Каарийнен К. и Д.Е.Фурман. (2007) «Религиозность в России на рубеже XX—XXI столетий (Окончание)» // *Общественные науки и современность*, № 2: 78—95.

Кулькова А.Ю. (2015) *Религиозность и политическое участие: роль политики в российских религиозных общинах*. Препринт WP14/2015/02. URL: https://www.hse.ru/data/2015/06/01/1097831116/WP14_2015_02_fff.pdf (проверено 22.10.2022).

Локосов В.В. и Ю.Ю.Синелина. (2008) «Взаимосвязь религиозных и политических ориентаций православных россиян» // Мчедлов М.П., ред. *Религия в самосознании народа: Религиозный фактор в идентификационных процессах*. М.: Институт социологии РАН: 135—158.

Макаренко Б.И., ред. (2017) *Консерватизм и развитие: Основы общественного согласия*. М.: Альпина Паблишер.

Маркин К.В. (2018) «Между верой и неверием: непрaktикующие православные в контексте российской социологии религии» // *Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены*, № 2 (144): 274—290. URL: https://wciom.ru/fileadmin/file/monitoring/2018/144/2018_144_16_Markin.pdf (проверено 22.10.2022).

Мельвиль А.Ю. (2017) «Неоконсервативный консенсус в России? (Основные компоненты, факторы устойчивости, потенциал эрозии)» // *Полития*, № 1 (84): 29—45. URL: http://politeia.ru/files/articles/rus/2017_01_02.pdf (проверено 22.10.2022).

Мчедлова М.М. и Е.Н.Кофанова. (2020) «Россия в ожидании перемен: религиозный фактор и социально-политические предпочтения» // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология*, т. 22, № 1: 7—21.

Мчедлова М.М., Е.Н.Кофанова и А.Г.Шевченко. (2020) «Православие и лояльность: от социальной напряженности к выбору между властью и церковью» // *Россия реформирующаяся: Ежегодник*. Вып. 18. М.: Институт социологии РАН: 264—298. URL: https://www.isras.ru/files/File/ezhegodnik/2020/Mchedlova_final.pdf (проверено 22.10.2022).

Общественное мнение — 2019: Ежегодник. (2019) М.: Левада-Центр*.

Общественное мнение — 2021: Ежегодник. (2022) М.: Левада-Центр*.

Пруцкова Е.В. и К.В.Маркин. (2017) «Типология православных россиян: проблема конструирования обобщенного показателя рели-

гиозности» // *Социологические исследования*, № 8: 95—105. URL: https://www.socis.isras.ru/files/File/2017/2017_8/Prutskova.pdf (проверено 22.10.2022).

Религия и национальная принадлежность в Центральной и Восточной Европе: Доклад Исследовательского центра «Пью». (2017) URL: <https://www.pewresearch.org/wp-content/uploads/sites/7/2017/05/CEUP-Overview-Russian-FOR-WEB.pdf> (проверено 22.10.2022).

Ситников А.В. (2007) «Влияние православия на политические предпочтения граждан России» // *Социология власти*, № 3: 126—135.

Ситников А.В. (2011) «Религия в демократическом обществе: как влияет воцерковленность на политическую культуру?» // *Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 4: Педагогика. Психология*, № 20: 19—28. URL: <http://vestnik1.pstgu.ru/ru/pdf/article/1478> (проверено 22.10.2022).

Туровский Р.Ф. (2018) «Президентские выборы в России: возможности и пределы электоральной консолидации» // *Полития*, № 2 (89): 23—50. URL: [http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia-2018-2\(89\)-23-50.pdf](http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia-2018-2(89)-23-50.pdf) (проверено 22.10.2022).

Туровский Р.Ф. и Ю.О.Гайворонский. (2017) «Влияние экономики на электоральное поведение в России: работает ли „контракт“ власти и общества?» // *Полития*, № 3 (86): 42—61. URL: [http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia-2017-3\(86\)-42-61.pdf](http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia-2017-3(86)-42-61.pdf) (проверено 22.10.2022).

Ухватова М.В. (2017) «Религия и электоральное поведение в России: региональный аспект» // *Вестник Пермского университета. Серия: Политология*, № 4: 26—48. URL: <https://publications.hse.ru/pubs/share/direct/213953178.pdf> (проверено 22.10.2022).

Ухватова М.В. (2018) «Напутствия охранителей (Религиозная риторика на инаугурациях российских губернаторов)» // *Полития*, № 2 (89): 84—101. URL: [http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia-2018-2\(89\)-84-101.pdf](http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia-2018-2(89)-84-101.pdf) (проверено 22.10.2022).

Чеснокова В.Ф. (2005) *Тесным путем: Процесс воцерковления населения России в конце XX века*. М.: Академический проект.

Щербак А.Н. и М.В.Ухватова. (2018) «От „красного пояса“ — к „библейскому“: исторические предпосылки сдвигов в политической географии России» // *Общественные науки и современность*, т. 6, № 6: 98—113. URL: <https://publications.hse.ru/pubs/share/direct/239241480.pdf> (проверено 22.10.2022).

Barker D.C., J.Hurwitz, and T.L.Nelson. (2008). «Of Crusades and Culture Wars: „Messianic“ Militarism and Political Conflict in the United States» // *Journal of Politics*, vol. 70, no. 2: 307—322.

Byzov L. (2018) «Conservative Trends in Contemporary Russian Society: Origins, Content, and Prospects» // *Russian Social Science Review*, vol. 59, no. 1: 39—58.

Driskell R., E.Embry, and L.Lyon. (2008) «Faith and Politics: The Influence of Religious Beliefs on Political Participation» // *Social Science Quarterly*, vol. 89, no. 2: 294—314.

Fiorina M.P. (1978) «Economic Retrospective Voting in American National Elections: A Micro-Analysis» // *American Journal of Political Science*, vol. 22, no. 2: 426—443.

Frye T. and A.Yakovlev. (2016) «Elections and Property Rights: A Natural Experiment from Russia» // *Comparative Political Studies*, vol. 49, no. 4: 499—528.

Glock Ch.Y. and R.Stark. (1966) *Christian Beliefs and Anti-Semitism*. New York: Harper and Row.

Guth J.L., T.G.Jelen, L.A.Kellstedt, C.E.Smidt, and K.D.Wald. (1988) «The Politics of Religion in America: Issues for Investigation» // *American Politics Quarterly*, vol. 16, no. 3: 357—397.

Hale H.E. and T.J.Colton. (2017) «Who Defects? Unpacking a Defection Cascade from Russia's Dominant Party 2008—12» // *American Political Science Review*, vol. 111, no. 2: 322—337.

Hirschman A.O. (1970) *Exit, Voice, and Loyalty: Responses to Decline in Firms, Organizations, and States*. Cambridge (MA): Harvard University Press.

Holman M.R. and K.Shockley. (2017) «Messages from Above: Conflict and Convergence of Messages to the Catholic Voter from the Catholic Church Hierarchy» // *Politics and Religion*, vol. 10, no. 4: 840—861.

Leege D.C. and L.A.Kellstedt. (2016) *Rediscovering the Religious Factor in American Politics*. New York: Routledge.

Marsh Ch. (2005) «Orthodox Christianity, Civil Society, and Russian Democracy» // *Demokratizatsiya*, vol. 13, no. 3: 449—462.

Niemi R.G., C.C.Stephen, and F.Mattei. (1991) «Measuring Internal Political Efficacy in the 1988 National Election Study» // *The American Political Science Review*, vol. 85, no. 4: 1407—1413.

Østbø J. (2017) «Securitizing „Spiritual-Moral Values“ in Russia» // *Post-Soviet Affairs*, vol. 33, no. 3: 200—216.

Peterson S.A. (1992) «Church Participation and Political Participation: The Spillover Effect» // *American Politics Quarterly*, vol. 20, no. 1: 123—139.

Smith A.E. (2017) «Democratic Talk in Church: Religion and Political Socialization in the Context of Urban Inequality» // *World Development*, vol. 99(C): 441—451.

Stark R. (2001) «Gods, Rituals, and the Moral Order» // *Journal for the Scientific Study of Religion*, vol. 40, no. 4: 619—636.

Wielhouwer P.W. (2009) «Religion and American Political Participation» // Smidt C., L.Kellstedt, and J.L.Guth, eds. *The Oxford Handbook of Religion and American Politics*. New York: Oxford University Press.

* Включен министерством юстиции РФ в реестр некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента.

Yu.V.Karpich

ORTHODOXY AND CONSERVATISM: POLITICAL ATTITUDES OF RELIGIOUS RUSSIANS

Yulia V. Karpich — Research Intern at the Laboratory “Russia’s Regions in Historical Perspective”, HSE University. Email: ykarpich@hse.ru.

Abstract. The article is devoted to the study of the influence of religiosity on the individual political choice of Orthodox Russians. Based on the analysis of in-depth interviews with believers who actively attend religious services, the author identifies a relationship between certain aspects of religiosity (beliefs, religious practices) and conservative attitudes of parishioners. The author reveals the logic of a conservative choice and shows how conservative attitudes associated with shifts in values are combined with conservative attitudes based on religion.

The results of the study allow the author to document three types of political positioning arising from a conservative worldview. In the case of loyalty to the current government the conservative logic manifests itself in the desire to maintain stability and avoid political changes. Opposition voting takes the form of a moral protest when voters want to punish the authorities for the actions that are inconsistent with their moral ideals. Non-participation in elections is conservative in the sense that believers avoid politics, which seems to them immoral and corrupt.

Employing the qualitative methodology and analyzing individual-level data, the author comes to the conclusion that believers make their decisions about voting largely on the basis of their political attitudes. Religious voters evaluate politicians’ actions and assess the potential ability to influence the political situation. The impact of practices is limited to political participation. The conservative logic of voting is closely related to secular attitudes; religious beliefs and practices of church cooperation can only adjust the choice that was already made.

Keywords: religiosity, conservatism, Orthodoxy, political attitudes, traditional values

References

Barker D.C., J.Hurwitz, and T.L.Nelson. (2008). “Of Crusades and Culture Wars: „Messianic“ Militarism and Political Conflict in the United States” // *Journal of Politics*, vol. 70, no. 2: 307–322.

Bogachev M.I. (2016) “Votserkovlennost’ i politicheskie predpochtenija pravoslavnykh verujushchikh: kolichestvennyj analiz” [The Church Attendance and Political Preferences of Orthodox Believers: Quantitative Analysis] // *Religiovedcheskie issledovanija* [Researches in Religious Studies], no. 13: 8–76. (In Russ.)

Bogachev M.I. and K.V.Sorvin. (2020) “Politika v Tserkvi: za kogo agitirujut pravoslavnye svjashchenniki?” [Politics in the Church: For Whom Do Orthodox Priests Call to Vote?] // *Gosudarstvo, religija, tserkov’ v Rossii i za rubezhom* [State, Religion and Church in Russia and Worldwide], vol. 38, no. 3: 331–361. (In Russ.)

Byzov L. (2018) “Conservative Trends in Contemporary Russian Society: Origins, Content, and Prospects” // *Russian Social Science Review*, vol. 59, no. 1: 39–58.

Chesnokova V.F. (2005) *Tesnym putem: Protsess votserkovlenija naselenija Rossii v kontse 20 veka* [Close by: Churching Process of Russia’s Population at the End of the 20th Century]. Moscow: Akademicheskij proekt. (In Russ.)

Driskell R., E.Embry, and L.Lyon. (2008) “Faith and Politics: The Influence of Religious Beliefs on Political Participation” // *Social Science Quarterly*, vol. 89, no. 2: 294–314.

Fiorina M.P. (1978) “Economic Retrospective Voting in American National Elections: A Micro-Analysis” // *American Journal of Political Science*, vol. 22, no. 2: 426–443.

Frye T. and A.Yakovlev. (2016) “Elections and Property Rights: A Natural Experiment from Russia” // *Comparative Political Studies*, vol. 49, no. 4: 499–528.

Glock Ch.Y. and R.Stark. (1966) *Christian Beliefs and Anti-Semitism*. New York: Harper and Row.

Guth J.L., T.G.Jelen, L.A.Kellstedt, C.E.Smidt, and K.D.Wald. (1988) “The Politics of Religion in America: Issues for Investigation” // *American Politics Quarterly*, vol. 16, no. 3: 357–397.

Hale H.E. and T.J.Colton. (2017) “Who Defects? Unpacking a Defection Cascade from Russia’s Dominant Party 2008–12” // *American Political Science Review*, vol. 111, no. 2: 322–337.

Hirschman A.O. (1970) *Exit, Voice, and Loyalty: Responses to Decline in Firms, Organizations, and States*. Cambridge (MA): Harvard University Press.

Holman M.R. and K.Shockley. (2017) “Messages from Above: Conflict and Convergence of Messages to the Catholic Voter from the Catholic Church Hierarchy” // *Politics and Religion*, vol. 10, no. 4: 840–861.

Kaariainen K. and D.E.Furman. (2007) “Religioznost’ v Rossii na rubezhe 20–21 stoletij (Okonchanie)” [Religiosity in Russia at the Turn of the 20th – 21st Centuries] // *Obshchestvennye nauki i sovremennost’* [Social Sciences and Contemporary World], no. 2: 78–95. (In Russ.)

Kulkova A.Yu. (2015) *Religioznost’ i politicheskoe uchastie: rol’ politiki v rossijskikh religioznykh obshchinakh* [Religiosity and Political Par-

ticipation: the Role of Politics in Russian Religious Communities]. Preprint WP14/2015/02. URL: https://www.hse.ru/data/2015/06/01/1097831116/WP14_2015_02_fff.pdf (accessed on 22.10.2022). (In Russ.)

Leege D.C. and L.A.Kellstedt. (2016) *Rediscovering the Religious Factor in American Politics*. New York: Routledge.

Lokosov V.V. and Yu.Yu.Sinolina. (2008) “Vzaimosvjaz’ religioznykh i politicheskikh orientatsij pravoslavnykh rossijan” [Interrelation of Religious and Political Orientations of Orthodox Russians] // Mchedlov M.P., ed. *Religija v samosoznanii naroda: Religioznyj faktor v identifikatsionnykh protsessakh* [Religion in the Self-consciousness of the People: Religious Factor in Identification Processes]. Moscow: Institut Sotsiologii RAN: 135—158. (In Russ.)

Makarenko B.I., ed. (2017) *Konservatizm i razvitie: Osnovy obshchestvennoy soglasija* [Conservatism and Development: The Foundations of Social Harmony]. Moscow: Alpina Publisher. (In Russ.)

Markin K.V. (2018) “Mezhdu veroj i neveriem: nepraktikujushchie pravoslavnye v kontekste rossijskoj sotsiologii religii” [Between Belief and Unbelief: Non-practicing Orthodox Christians in the Context of the Russian Sociology of Religion] // *Monitoring obshchestvennogo mnenija: Ekonomicheskie i sotsial’nye peremeny* [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes Journal], no. 2 (144): 274—290. URL: https://wciom.ru/fileadmin/file/monitoring/2018/144/2018_144_16_Markin.pdf (accessed on 22.10.2022). (In Russ.)

Marsh Ch. (2005) “Orthodox Christianity, Civil Society, and Russian Democracy” // *Demokratizatsiya*, vol. 13, no. 3: 449—462.

Mchedlova M.M. and E.N.Kofanova. (2020) “Rossija v ozhidanii peremennostej: religioznyj faktor i sotsial’no-politicheskie predpochtenija” [Russia in Anticipation of Changes: Religious Factor and Socio-Political Preferences] // *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Serija: Politologija* [RUDN Journal of Political Science], vol. 22, no. 1: 7—21. (In Russ.)

Mchedlova M.M., E.N.Kofanova, and A.G.Shevchenko. (2020) “Pravoslavlje i lojal’nost’: ot sotsial’noj naprjazhennosti k vyboru mezhdu vlast’ju i tserkov’ju” [Orthodoxy and Loyalty: from Social Tension to the Choice Between the Government and the Church] // *Rossija reformirujushchajasja: Ezhegodnik* [Russia in Reform: Yearbook]. Issue 18. Moscow: Institut sotsiologii RAN: 264—298. URL: https://www.isras.ru/files/File/ezhegodnik/2020/Mchedlova_final.pdf (accessed on 22.10.2022). (In Russ.)

Melville A.Yu. (2017) “Neokonservativnyj konsensus v Rossii? (Osnovnye komponenty, faktory ustojchivosti, potentsial erozii)” [Neoconservative Consensus in Russia? (Main Components, Factors of Stability, Potential for Erosion)] // *Politeia*, no. 1 (84): 29—45. URL: http://politeia.ru/files/articles/rus/2017_01_02.pdf (accessed on 22.10.2022). (In Russ.)

Niemi R.G., C.C.Stephen, and F.Mattei. (1991) “Measuring Internal Political Efficacy in the 1988 National Election Study” // *The American Political Science Review*, vol. 85, no. 4: 1407—1413.

Obshchestvennoe mnenie — 2019: Ezhegodnik [Public Opinion — 2019: Yearbook]. (2019) Moscow: Levada-Tsentr. (In Russ.)

Obshchestvennoe mnenie — 2021: Ezhegodnik [Public Opinion — 2021: Yearbook]. (2022) Moscow: Levada-Tsentr. (In Russ.)

Østbø J. (2017) “Securitizing „Spiritual-Moral Values“ in Russia” // *Post-Soviet Affairs*, vol. 33, no. 3: 200—216.

Peterson S.A. (1992) “Church Participation and Political Participation: The Spillover Effect” // *American Politics Quarterly*, vol. 20, no. 1: 123—139.

Prutskova E.V. and K.V.Markin. (2017) “Tipologija pravoslavnykh rossijan: problema konstruirovaniya obobshchennogo pokazatelya religioznosti” [Typology of Orthodox Russians: The Problem of Constructing a Generalized Religiosity Indicator] // *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], no. 8: 95—105. URL: https://www.socis.isras.ru/files/File/2017/2017_8/Prutskova.pdf (accessed on 22.10.2022). (In Russ.)

Religija i natsional'naja prinalozhnost' v Tsentral'noj i Vostochnoj Evrope: Doklad Issledovatel'skogo tsentra "P'ju" [Religious Affiliation in Central and Eastern Europe: Pew Research Center Report]. (2017) URL: <https://www.pewresearch.org/wp-content/uploads/sites/7/2017/05/CEUP-Overview-Russian-FOR-WEB.pdf> (accessed on 22.10.2022). (In Russ.)

Shcherbak A.N. and M.V.Ukhvatova. (2018) «Ot „krasnogo pojasa“ — k „biblejskomu“: istoricheskie predposylki sdvigo v politicheskoy geografii Rossii” [From “the Red Belt” to “the Bible Belt”: Historical Roots of the Shift in Russian Political Geography] // *Obshchestvennye nauki i sovremennost'* [Social Sciences and Contemporary World], vol. 6, no. 6: 98—113. URL: <https://publications.hse.ru/pubs/share/direct/239241480.pdf> (accessed on 22.10.2022). (In Russ.)

Sitnikov A.V. (2007) “Vlijanie pravoslaviya na politicheskie predpochtenija grazhdan Rossii” [Influence of Orthodoxy on the Political Preferences of the Citizens of Russia] // *Sotsiologija vlasti* [Sociology of Power], no. 3: 129—135. (In Russ.)

Sitnikov A.V. (2011) “Religija v demokraticeskom obshchestve: kak vlijaet votserkovlennost' na politicheskiju kul'turu?” [Religion in Democratic Society: What Is the Impact of Attachment to the Church on Political Culture?] // *Vestnik Pravoslavnogo Svjato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta. Serija 4: Pedagogika. Psikhologija* [St. Tikhon's University Review. Series IV: Pedagogy. Psychology], no. 20: 19—28. URL: <http://vestnik1.pstgu.ru/ru/pdf/article/1478> (accessed on 22.10.2022). (In Russ.)

Smith A.E. (2017) “Democratic Talk in Church: Religion and Political Socialization in the Context of Urban Inequality” // *World Development*, vol. 99(C): 441—451.

Stark R. (2001) “Gods, Rituals, and the Moral Order” // *Journal for the Scientific Study of Religion*, vol. 40, no. 4: 619—636.

Turovsky R.F. (2018) “Prezidentskie vybory v Rossii: vozmozhnosti i predely elektoral'noj konsolidatsii” [Presidential Elections in Russia: Opportunities and Limits of Electoral Consolidation] // *Politeia*, no. 2 (89): 23—50. URL: [http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia-2018-2\(89\)-23-50.pdf](http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia-2018-2(89)-23-50.pdf) (accessed on 22.10.2022). (In Russ.)

Turovsky R.F. and Yu.O.Gaivoronsky. (2017) “Vlijanie ekonomiki na elektoral’noe povedenie v Rossii: rabotaet li „kontrakt“ vlasti i obshchestva?” [Economic Influence on Electoral Behavior in Russia: Is “Contract” between Power and Society Working?] // *Politeia*, no. 3 (86): 42–61. URL: [http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia-2017-3\(86\)-42-61.pdf](http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia-2017-3(86)-42-61.pdf) (accessed on 22.10.2022). (In Russ.)

Uhvatova M.V. (2017) “Religija i elektoral’noe povedenie v Rossii: regional’nyj aspekt” [Religion and Electoral Behavior in Russia: Regional Dimension] // *Vestnik Permskogo universiteta. Serija: Politologija* [Bulletin of Perm University. Political Science], no. 4: 26–48. URL: <https://publications.hse.ru/pubs/share/direct/213953178.pdf> (accessed on 22.10.2022). (In Russ.)

Ukhvatova M.V. (2018) “Napunstvija okhranitelej (Religioznaja ritorika na inauguratsijakh rossijskikh gubernatorov)” [Blessing of the Guardians (Religious Rhetoric at Inauguration of Governors in Russia)] // *Politeia*, № 2 (89): 84–101. URL: [http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia-2018-2\(89\)-84-101.pdf](http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia-2018-2(89)-84-101.pdf) (accessed on 22.10.2022). (In Russ.)

“Vera v sverkh”estestvennoe” [Faith in the Supernatural]. (2020) // *Levada-Tsentr* [Levada Center], 28.10. URL: <https://www.levada.ru/2020/10/28/vera-v-sverhestestvennoe/> (accessed on 22.10.2022). (In Russ.)

Wielhouwer P.W. (2009) “Religion and American Political Participation” // Smidt C., L.Kellstedt, and J.L.Guth, eds. *The Oxford Handbook of Religion and American Politics*. New York: Oxford University Press.